

Н. В. Новикова

«Имперский феминизм» в британском женском движении

Женское движение в Великобритании в начале XX века рассматривается в контексте британской имперской культуры, которая оказывала решающее влияние на различные стороны жизни общества. Представительницы практически всех направлений женского движения демонстрировали приверженность ценностям империи и считали свою деятельность вкладом в упрочение ее положения и дальнейшее процветание.

Ключевые слова: Великобритания, имперская культура, женское движение, феминизм, британская нация, гражданство, суфражизм, антисуфражизм, имперский феминизм.

N. V. Novikova

“Imperial Feminism” in the British Women's Movement

The early-twentieth-century Great Britain women's movement is placed in the context of the British imperial culture that both constituted and influenced all aspects of social reality. Representatives of various branches within the women's movement displayed loyalty and devotion to the Empire and its values and regarded their activity to be a contribution to its stability and prosperity.

Key words: Great Britain, imperial culture, women's movement, feminism, Britishness, citizenship, women's suffrage, anti-suffrage, imperial feminism.

Организованное женское движение в Британии оформилось и развивалось в период, отмеченный в национальной истории как эпоха наивысшего имперского могущества Соединенного королевства Великобритании и Ирландии. Этот факт определяющим образом сказался на характере движения женщин, его идеологии, риторике и политических практиках. С такой же уверенностью можно говорить и о том, что попытки женщин войти в сферу политики стали важнейшей детерминантой в конструировании представлений современников о британской демократии и британской нации. И если учитывать, что государственное строительство понималось англичанами как строительство и укрепление империи, то, как и отмечают многие исследователи сегодня, рассматривать женское движение в Британии вне имперского контекста практически невозможно [см., напр: 15, p. xiv; 9, p. 490–491; 22, p. 6]. Потому основное внимание здесь будет уделено вопросам о месте и значении имперской культуры в женском дискурсе и ее проявлениях в деятельности участниц британского женского движения.

Понятие «имперской культуры», таким образом, становится ключевым для дальнейших рассуждений о женском движении в этой стране. В среде современных британских историков сложилось устойчивое мнение, что со времен правления королевы Виктории (1837–1901) империя,

формально представляя собой совокупность заморских владений, была фундаментальной частью английской национальной культуры и национальной идентичности, оказывавшей постоянное влияние на политические процессы, социальные отношения, интеллектуальный дискурс и воображение жителей метрополии [8, p. 139. См. также: 17, 18, 24]. Как подчеркивала в своих работах американская исследовательница А. Бертон – авторитетный специалист в области изучения викторианской имперской культуры, несмотря на существование упорно поддерживаемого англичанами образа империи как экзотического и удаленного на безопасное расстояние мира, не связанного ни во времени, ни в пространстве с любезной сердцу родиной, на деле все обстояло иначе. В действительности, начиная с XVI века, когда торговцы-мореплаватели впервые доставили к берегам Англии и Шотландии золото, слоновую кость, перец, рабов, сообщество метрополии было прочно соединено со своими колониальными владениями, с одной стороны, и постоянно менялось под их влиянием – с другой. С течением времени становилось все более очевидным, что британское национальное процветание и превосходство на международной арене зависело целиком и полностью от коммерческих отношений с заморскими территориями. Даже после отмены работорговли коренные жители колоний приезжали в Британию на поселение,

фабричное производство основывалось на сырье, добывавшемся на колониальных плантациях, и наполняло рынок «нации лавочников». И всеми способами на родине колонизаторов демонстрировались британское колониальное могущество и сила, будь то политические дебаты, деятельность миссионеров, рынок потребления, романы, детские книги, выставки разного уровня, декоративное искусство или народные развлечения [6, p. 7]. Имперская культура, следовательно, представляет собой и стиль мышления, и «корпоративный институт», если использовать удачную в данном контексте терминологию Э. Саида; это «вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, ученой традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями и колониальным стилем» [2, с. 8–10].

Идея «Британского (имперского) мира» [3] как центрального политического концепта второй половины XIX – начала XX века служила мощным источником формирования идентичности британцев. Способствуя разграничению между «своими» и «чужими», она влияла на отношения между жителями имперского центра и окраин, колонизаторами и колонизируемыми и даже на само британское общество. Например, острые политические дебаты того времени по поводу критериев «британскости» и составляющих британского гражданства строились вокруг обсуждения статуса бывших рабов и колониальных народов, и такие риторические фигуры, как «рабство» и «свобода», «гражданство» и «нация», были самыми востребованными в текстах и речах политиков самого разного уровня [23, p. 3; 20, p. 481–497]. Э. Хобсбаум сделал акцент на мобилизующей функции «чувства превосходства», объединявшего белых людей, и «если даже идеология государства требовала хотя бы потенциального равенства, то эти благие намерения отступали перед возможностью главенствовать» [4, с. 104]. Наконец, важнейшим элементом британского имперского дискурса было представление об империи как о грандиозной миссии, «бремени белого человека», призванного расширить границы цивилизованного мира. В его основе лежало твердое убеждение британцев в исключительности своего исторического и политического опыта, давшего им неоспоримое право занимать особое место в мировой истории. Само существование огромной империи, «в которой никогда не заходит солнце», воспринималось как свидетельство национального, культурного и расового совершенства англосаксов.

Подобно другим социально-политическим движениям эпохи, британское женское движение находилось в культурной среде империи и создавало собственную традицию имперской риторики и имперской идеологии. Участницы всего спектра женских движений, боровшиеся за реформирование отдельных сторон жизни общества, стремившиеся утвердить феминные ценности в культуре викторианцев и эдвардианцев, демонстрировали полную преданность «своему» национальному государству и обнаруживали все признаки имперского менталитета. Историк феминизма А. Бертон отметила в одной из своих книг, что «доводы в пользу женской эмансипации излагались в патриотическом, а порой и в откровенно националистическом духе» [7, p. 5]. Действительно, идеология и риторика британских феминисток и их оппонентов в женском движении строилась вокруг таких понятий, как «женственность», «материнство», с одной стороны, и «нация», «гражданство» – с другой. Все эти дискурсивные конструкты были порождены особым национальным контекстом и несли на себе печать имперского мышления.

Безусловно, ярче всего проявления национализма в женском движении проступали в дискурсе гражданства. Само это слово обрело почти священный смысл в пропаганде суфражисток, но было не менее востребованным и в политической практике активисток других направлений женского движения. Гражданство для них, как и для всех подданных английской короны, означало принадлежность к «нации бриттов», создавших процветающую страну, которая стала лидером цивилизованного мира и очагом конституционализма. Для эдвардианцев, как показал П. Томпсон, это ощущение себя частью единого «квотродственного сообщества» было одним из четырех аспектов формирования персональной идентичности, наряду с гендером, возрастом и классом (в предыдущие столетия важнейшим элементом самоидентификации британцев была и религия) [26, p. 140]. Сформулированные еще в середине XIX века министром по делам колоний Г. Меривейлом критерии «британскости» – «чувство национального достоинства, осознание своего высокого происхождения, твердость в самообороне, взаимопонимание родственных общин, инстинкты доминирующей расы, смутное, но благородное стремление распространить нашу цивилизацию и нашу религию по всему миру» [цит. по: 16, p. 46] – не потеряли своей актуальности и в начале нового столетия. Глубоко уко-

рененное чувство превосходства не могли поколебать различные факты, указывающие на довольно консервативный характер политической системы Великобритании. Например, понятие «гражданин» (citizen) практически не использовалось в политическом дискурсе этого времени, уступая термину «подданный» (subject), а в 1918 г. только 60 % мужского населения страны имели политические права, и избирательный закон считался одним из самых ограниченных в Европе [21, р. 37–38]. Напротив, эти особенности трактовались как свидетельства традиционализма и устойчивости британского общества, плавно и естественно эволюционирующего в границах либеральной демократии.

Участницы суфражистских кампаний развили идею гражданства как некоей «награды» или привилегии представителей британской нации, полагающейся им по праву рождения на землях империи и налагающей на них почетную обязанность служить своей Родине в меру сил и возможностей. Политическое равенство женщин осмысливалось ими как утраченное древнее право и нарушение саксонских традиций, на которых основывалась современная британская цивилизация. Э. Петик-Лоуренс, редактор-издательница влиятельного суфражистского еженедельника «Воутс фо уимен», выражала весьма распространенное среди феминисток мнение, когда писала в 1908 г.: «Что, в конце концов, просят британские женщины от британского правительства?.. Ничего более тех конституционных прав, которые должны быть дарованы женщинам, рожденным подданными британской короны. ... Это и не странное и не новое требование, означающее только восстановление тех древних прав, которые были у них украдены в 1832 г.» [Votes for Women. – 16 July 1908. – P. 312].

По мнению суфражисток, «возвращение» женщин в сферу «большой» политики не только обеспечит действительное, полноценное, а не мнимое, представительство нации в общеимперском парламенте, и вернет, таким образом, развитие британской цивилизации на путь прогресса. Не менее важным и часто повторяемым аргументом была идея о благополучии и процветании Империи, судьба которой зависит от грамотного управления и соблюдения баланса интересов всех групп общества. Признание политической элитой ценности вклада женщин в развитие экономики и поддержание культуры Британии будет способствовать укреплению силы и могущества страны, утверждали феминистские газеты. Пред-

седательница Национального союза женских суфражистских обществ М. Фосетт использовала печатный орган своего объединения «Коммон Коз» для выражения искреннего убеждения: «Мы не желаем быть плохим подобием мужчин, мы не отвергаем и не умаляем различий между мужчиной и женщиной. Стремление женщин иметь представительство в парламенте является следствием существования таких различий. Женщины могут принести на службу государству нечто отличное от того, что способны дать мужчины» [The Common Cause. – April 12, 1910. – P. 386].

Сторонницы М. Фосетт, которые позиционировали себя как «законопослушные» суфражистки, старательно следовали общепринятым «конституционным» нормам и правилам политической игры, пытались развеять устойчивые стереотипы о природной неспособности женщин к рассудочной деятельности. Они составляли петиции в парламент, заключали соглашения с влиятельными политиками и организовывали избирательные кампании в округах, собирая значительные по тем временам денежные средства на многочисленных ярмарках и благотворительных акциях.

Участницы другого крыла суфражистского движения, сгруппировавшиеся вокруг Женского социально-политического союза, настаивали на необходимости использования иной стратегии и тактики – целью становилось не сотрудничество с членами парламента и правительством, а противостояние и сопротивление этим силам, демонстративное нарушение закона и дискредитация существующего порядка. Избрание «воинственных» методов (обструкции, организации массовых демонстраций и депутатий к министрам) как средств воздействия лидеры Женского союза Эммелин и Кристабель Панкхерст оправдывали указанием на то, что женщины пользуются лишь теми приемами политической борьбы, которые «приняты» в Британии: «Не мы придумали эту тактику. Более 35 лет тому назад весьма успешно применял ее Парнелл в своей борьбе за Гомруль. Эта тактика заставила Гладстона внести в палату правительственный билль о Гомруле. В самое последнее время та же тактика привела к тому, что палата общин приняла соответствующий билль» [1, с. 46]. Негативную реакцию на применение суфражетками подобной тактики Э. Панкхерст объясняла существованием в обществе двойного стандарта половой морали, который, по ее мнению, не может служить препятствием для осуществления законных прав женщин: «У нас в Англии постоянно практикуются на со-

браниях замечания и возгласы со стороны присутствующих. Но то, что признается правом мужчин, вызывает возмущение, когда это делают женщины. Министры резко отзывались о нас, а их сторонники силой выбрасывали нас за дверь» [1, с. 49–50].

Поскольку политики отказывались видеть в суфражетках равноправных партнеров, расценивая феминистскую кампанию как «курьезный эпизод в истории народной агитации» [5, р. 218], сторонницы Женского союза вынуждены были все шире использовать неязыковые формы коммуникации. Переход к «символическим манифестациям» сопровождался постоянными указаниями на вынужденный характер этих действий. Например, организованный Женским союзом в июне 1908 г. грандиозный 500-тысячный митинг в Гайд-парке стал ответом на «вызов» министра внутренних дел Г. Гладстона, «заявившего о том, что “сила принадлежит массам” и что эта сила может воздействовать на правительство» [1, с. 82]. А «символическое насилие», выразившееся в уничтожении собственности, битье стекол и поджогах почтовых ящиков, представлено в текстах милитанток не только как «освященное временем» «добросовестное выражение англичанами своего политического настроения и убеждений» [1, р. 85, 86, 151], но в первую очередь как ответ на «предательство правительства», игнорирующего требования суфражистов. Уверенность им придавала удачно избранная речевая стратегия, заключавшаяся в постоянной апелляции к британской традиции радикального протеста времен Р. Кобдена и Дж. Брайта. «Во всем, что суфражистки делали, во всем, что они когда-либо смогут сделать, они лишь идут по стопам мужчин, находящихся ныне в парламенте», – заявляла в ходе своей защиты К. Панкхерст [1, с. 92]. Другим важным элементом риторики суфражеток была опора на традиционные викторианские образы женственности, акцент на специфически женские качества и социальные функции. Обращение женщин к насилию представлялось как чрезвычайная мера, продиктованная исключительно силой обстоятельств.

«Альтернативную» концепцию гражданства развивали женщины, вовлеченные в антисуфражистское движение. Политическое кредо антисуфражисток выразила в своем выступлении В. Маркхэм на большом собрании сторонников Национальной лиги противодействия женскому избирательному праву в 1912 г.: «В первую очередь мы здесь для того, чтобы подтвердить, что

женское гражданство так же ценно и так же бесспорно, как и гражданство любого мужчины, что ее служение так же жизненно необходимо государству. Но, в отличие от наших друзей суфражисток, мы не бросаем вызов неопровержимым фактам и законам природы. Мы убеждены, что мужчины и женщины различные, не одинаковые создания, с дарованиями не идентичными, но дополняющими друг друга, и потому призванными выполнять различные роли в управлении государством. Мы ни на йоту не принижаем значения женского труда и женской миссии. Мы заинтересованы в том, чтобы найти достойные каналы для самовыражения женщин. Мы ищем плодотворного разнообразия политических функций, а не оупляющего единообразия» [19].

Очевидно, установка на признание и высокую оценку особых женских качеств была свойственна и суфражисткам, но, в отличие от последних, противницы политического равноправия женщин считали губительной саму идею вовлечения представительниц «слабого пола» в дела «большой» политики. Материнство – величайшая социально значимая функция и гражданский долг женщин – предполагало культивирование в них свойств характера, необходимых для семейной жизни и заботы о ближних, но эти же качества считались неприемлемыми, когда речь шла об управлении империей. Исчерпывающим и достойным воплощением гражданской силы женщины антисуфражистки считали расширение сферы ее ответственности до границ местного сообщества, которое нуждается в благотворительности, развитии начального образования, организации попечения над больными и престарелыми, санитарном контроле и создании системы охраны материнства и детства. Избранная ими стратегия, которую М. Уард назвала «политикой продвижения», была направлена, таким образом, на укрепление позиций женщин в местном самоуправлении [подробнее см.: 10].

Суфражисток и антисуфражисток объединяли не только взгляды на место и роль женщины в обществе, но и подчеркнутая забота о настоящем и будущем нации, страны, империи. И те и другие развивали свою аргументацию в контексте защиты общенациональных, а не узких групповых интересов. Особую остроту такие рассуждения приобрели в начале XX века на фоне событий, разворачивавшихся вокруг англо-бурской войны 1899–1902 гг. Развязыванию военных действий на юге Африки предшествовала мощная джингоистская кампания, цель которой состояла

в подготовке общественного мнения Британии к возможности новой колониальной войны. Политика Британской империи в этом регионе представляла как действия, направленные исключительно на охрану либеральных ценностей и прав английских переселенцев, дискриминируемых бурами, на защиту туземцев, низведенных до положения рабов. Соответственно, образы «буров-тиранов», «африканцев-невольников» и «британцев-илотов» насыщали правительственную пропаганду и популярную прессу, вербуя все больше сторонников силового решения «южноафриканской проблемы». Однако ход и результаты войны, формально приведшие к победе британцев, не соответствовали сценарию полного успеха кампании и вызвали волну критики правительства, обнажившего слабости империи. Обсуждение причин военных поражений выливалось в евгенический дискурс о будущем британской расы, об иностранной конкуренции и борьбе наций за выживание. В таком контексте фигура социально активной женщины, спасительницы нации, расы и империи и охранительницы ее культурного наследия оказалась востребованной как никогда ранее.

В период между англо-бурской и Первой мировой войнами мощный импульс получили так называемые «империалистические» инициативы женщин, призванные упрочить колониальное могущество страны и способствовать процветанию ее граждан. «Женский империализм» ассоциировался исключительно с исполнением ими материнских функций, как в практическом смысле обеспечения роста населения расширяющейся империи, так и в символическом смысле организации имперского пространства как системы иерархических, но взаимозависимых отношений [см., напр.: 12]. Коллективные усилия женщин по распространению ценностей материнства не просто как источника воспроизводства физически полноценного, здорового населения, но и как цивилизующей силы, хранилища духовных традиций нации выражались в деятельности уже упомянутого Национального союза женщин работниц, Союза матерей, Британской женской эмигрантской ассоциации или Лиги Виктории. Последняя образовалась в 1901 г. под влиянием трагических событий – войны в Южной Африке и кончины королевы Виктории. Как подчеркивала президент Лиги М. Джерси, англичанки подчинились «импульсу своей расы» и объединились, ощущая, что «война сплотила Империю как никогда ранее... а всплеск имперских настрое-

ний охватил всех от берега до берега и от моря до моря» [11, р. 127–128].

Аналогичных взглядов придерживались и суфражистки, которые понимали начало войны как повод для переосмысления понятия гражданства в отношении женщин. В своей «Краткой истории великого движения», опубликованной в 1912 г., М. Фосетт писала: «Битва за избирательное право в Соединенном Королевстве еще не выиграна, но она значительно продвинулась по пути к победе, и это, по моему мнению, во многом обязано пробужденному чувству национальной ответственности, более глубокому ощущению ценности гражданства, которое было вызвано южно-африканской войной» [14, р. 57]. Эта война, продолжала развивать свою мысль лидер «конституционалисток», предоставила женщинам блестящую возможность продемонстрировать соответствие требованиям гражданства и принять на себя часть бремени служения нации в тот момент, когда она более всего нуждается в помощи. И действительно, свои принципы М. Фосетт претворяла в жизнь, выражая полную поддержку действиям правительства и участвуя в работе Женского либерал-юнионистского комитета, который в то время сосредоточился на издании пропагандистских брошюр. В 1901–1902 гг. она возглавила комиссию по изучению положения в южно-африканских концентрационных лагерях, совершила несколько поездок в Южную Африку и в итоге составила отчет, в котором доказывала необходимость сохранения системы концлагерей и приветствовала укрепление позиций Британии в регионе [13].

В целом, изучение документального наследия представительниц женского движения Британии показывает, что имперский мотив постоянно присутствовал и в феминистской риторике, и в аргументации сторонниц иных политических стратегий. В частности, суфражистки и антисуфражистки доказывали необходимость признания женских прав в организации жизни сообщества не только важностью воплощения принципов социальной справедливости. И те и другие считали женскую эмансипацию олицетворением национального интереса Британии, критерием ее цивилизованности и правильности ее исторического пути. Участницы общественных реформаторских движений ни в коей мере не противопоставляли себя доминирующей имперской культуре, но упорно подчеркивали свое генетическое родство с ней и зависимость от этого «величественного наследия», накопленного поколениями

британцев, показывали свою решимость взять полную ответственность за выполнение всех функций, которые накладывает на них общество, и гордились своей причастностью к выполнению Британией общемировой цивилизаторской миссии.

Библиографический список

1. Панкхерст, Э. Моя жизнь. Записки суфражистки [Текст] / Э. Панкхерст. – Петроград : Изд-во бывш. М. В. Попова, 1915.
2. Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / пер. с англ. А. В. Говорунова ; Э. Саид. – СПб. : Русский Мир, 2006.
3. Томпсон, Э. Имперские языки: постскрипtum для AI [Текст] / Э. Томпсон // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2.
4. Хобсбаум, Э. Век Империи, 1875–1914 [Текст] / Э. Хобсбаум. – Ростов н/Д : Феникс, 1999.
5. Asquith, H. H. *Memoirs and Reflections. 1852–1927. Vol. 1.* – Boston, 1928.
6. Burton, A. *At the Heart of the Empire: Indians and the Colonial Encounter in Late-Victorian Britain.* – Berkeley : University of California Press, 1998.
7. Burton, A. *Burdens of History. British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865–1915.* – Chapel Hill & London : University of North Carolina Press, 1994.
8. Burton, A. Who needs the nation? Interrogating ‘British’ history / Hall, C. (ed.) *Cultures of Empire. Colonizers in Britain and the Empire in the XIXth and XXth centuries. A Reader.* – Manchester : Manchester University Press, 2000.
9. Burton, A. “Rules of thumb: British history and ‘imperial culture’ in nineteenth and twentieth-century Britain” [Текст] // *Women's History Review*. – 1994. – Vol. 3. – № 4. – P. 483–501.
10. Bush, J. British women's anti-suffragism and the forward policy, 1908–14 [Текст] // *Women's History Review*. – 2002. – Vol. 11. – № 3. – P. 431–454.
11. Bush, J. *Women Against the Vote. Female Anti-Suffragism in Britain.* – Oxford : Oxford University Press, 2007.
12. Davin, A. *Imperialism and Motherhood // History Workshop.* – 1978. – № 5. – P. 9–65.
13. Fawcett, M. *What I Remember.* – London : Adelphi Terrace, 1924.
14. Fawcett, M. *Women's Suffrage. A Short History of a Great Movement.* – London : T. C. & E. C. Jack, 1912.
15. Fletcher, I. C., L. E. Nym Mayhall, and P. Levine (eds.). *Women's Suffrage in the British Empire. Citizenship, Nation, and Race.* – London and New York : Routledge, 2000.
16. Hall, C. *Of Gender and Empire: Reflections on the Nineteenth Century* / Levine, P. (ed.) *Gender and Empire.* – Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 46–76.
17. MacKenzie, J. M. *Propaganda and Empire: Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960.* – Manchester : Manchester University Press, 1984.
18. MacKenzie, J. M. (ed.) *Imperialism and Popular Culture.* – Manchester : Manchester University Press, 1986.
19. Markham, V. *Miss Violet Markham's Great Speech at the Albert Hall.* – London : National League for Opposing Woman Suffrage, 1912.
20. Nym Mayhall, L. *The Rhetorics of Slavery and Citizenship: Suffragist Discourse and Canonical Texts in Britain, 1880–1914 // Gender & History.* – 2001. – Vol. 13. – No. 3. – P. 481–497.
21. Rendall, J. *Recovering Lost Political Cultures: British Feminisms, 1860–1900* / Paetschek, S. and B. Pietrow-Ennker (eds.) *Women's Emancipation Movements in the Nineteenth Century: a European Perspective.* – Stanford : Stanford University Press, 2004. – P. 33–52.
22. Said, E. *Culture and Imperialism.* – New York : Vintage Books, 1994.
23. Stanley, L. *British Feminist Histories: An Editorial Introduction // Women's Studies International Forum.* – 1990. – № 13. – P. 3.
24. Thompson, A. *The Language of Imperialism and the Meaning of Empire: Imperial Discourse in British Politics, 1895–1914 // Journal of British Studies.* – 1997. – Vol. 36. – No. 2. – P. 147–177 (эта работа была переведена на русский язык и опубликована в журнале *Ab Imperio* в № 2 за 2005 г.).
25. Thompson, A. *The Empire Strikes Back? The Impact of Imperialism on Britain from XIXth century.* – London : Pearson Education Limited, 2005.
26. Thompson, P. R. *The Edwardians: the remaking of British society.* – Taylor & Francis e-Library, 2005.